

А. М. ДЕБОРИН
Бенедикт Спиноза
(фрагмент)

Спиноза прослеживает внутреннюю связь религии с политикой. Он приходит к выводу, что «религия всегда была приноровлена к пользе государства».¹ Но конечная цель государства в действительности есть свобода, говорит Спиноза. Свободное государство должно стремиться к тому, чтобы освободить людей от страха и поставить их в такие условия, при которых они пользовались бы свободным разумом. Без свободы разума, без свободы мысли не могут развиваться науки и искусства, ибо «последние разрабатываются с счастливым успехом только теми людьми, которые имеют свободное и ничем не предвзятое суждение».

Спиноза страстно бичует порядки, при которых свобода научной и философской мысли всячески преследуется во имя сохранения религиозных предрассудков и отсталых научных взглядов и воспекает тех, кто способен с поднятой головой взойти на эшафот во имя хорошего дела, во имя свободы. «Ведь можно ли выдумать большее зло для государства, чем то, что честных людей отправляют как злодеев в изгнание, потому что они несходно думают и не умеют притворяться? Что, говорю, пагубнее того, что люди считают за врагов и ведутся на смерть не за какое-либо преступление или бесчестный поступок, но потому, что они обладают свободным умом и что эшафот — страшилище дурных людей — становится прекраснейшим театром, на котором показывается высший пример терпения и добродетель вкупе с необычайным бесславием величества? Ведь те, которые сознают себя чистыми, не боятся подобно преступникам смерти и не умоляют отворотить наказание, потому что дух их не мучится никаким раскаянием в постыдном деле, но, наоборот, они считают почетным, а не наказанием, умереть за хорошее дело и славным умереть за свободу».²

В этом страстном протесте мыслителя против гонений и преследований, которым подвергались в ту эпоху наиболее передовые ее элементы, боровшиеся за свободу мысли и научного исследования, чувствуется глубокое сочувствие всем тем, кто готов «умереть за хорошее дело». Ведь между гонимыми преследуемыми, помимо него самого, были его ближайшие ученики и друзья, как братья Курбаги и им подобные.

Естественно, что вольнодумные стремления философа могли встретить сочувствие только среди передового элемента тогдашнего общества, которого, кстати сказать, было весьма мало.

Обращаясь к Германии конца XVII века, необходимо прежде всего обратить наше внимание на Матиаса Кнутцена. Он дошел до довольно радикальных выводов политического и социального характера. Что Кнутцен в основном стоял на точке зрения спинозизма, в особенности в вопросах критики библии, не подлежит никакому сомнению. Кнутцен, вслед за Спинозой, считает, что разум является единственным судьей Св. Писания. Для Кнутцена характерно то, что он делает ответственным духовные и светские власти за бедственное положение низших классов. Одним из лозунгов Кнутцена и его последователей было: «мы отрицаем бога, презираем всякую власть, церковь с ее попами отвергаем». Несчастный Кнутцен погиб за свои убеждения. Но идеи его не заглохли. Надо

¹ Спиноза, стр. 380.

² Там же, стр. 399.

сказать, что, вокруг Кнутцена при его жизни группировалась вольнодумная молодежь в довольно значительном по тому времени числе. Вполне понятно, что против Кнутцена были воздвигнуты гонения не только со стороны властей и попов, но и университетских профессоров, которые считали своим долгом бороться против человека, осмелившегося открыто выступить против религиозных предрассудков.

В 1692 г. в Германии вызвало большое возбуждение появление книги Фридриха Штоша «Concordia ratiōis et fidei». Автор основательно штудировал «Богословско-политический трактат» и «Этику» Спинозы. Штош — спинозист, пытающийся в своей работе в сущности примирить результаты философии (т. е. спинозизм) с христианством. Тем не менее, книга Штоша вызвала бурю негодования во всей Германии. По приказу Фридриха I книга была сожжена, что, впрочем, не помешало ее распространению, так как она циркулировала в многочисленных рукописных копиях. Эта книга, по мнению одного из новейших писателей, сделала много для пропаганды спинозизма в Германии и подготовила почву для позднейших свободомыслящих.

Уже в предисловии к своей книге Штош предупреждает читателя, чтобы он не пугался ненавистных имен Спинозы и Гоббса, взгляды которых он собирается изложить в своей работе. Замечательно то, что Штош интерпретирует взгляды Спинозы в чисто материалистическом духе. Человек есть часть вселенной, конечное, мыслящее и протяженное существо, детерминированное как в своем бытии, так и во всех своих действиях. Бог есть единая и единственная субстанция. Но субстанцию нельзя мыслить себе невещественной. Следовательно, субстанция вещественна, материальна. Штош отрицает также имматериальность и бессмертие души, так что, в общем, несмотря на его желание примирить философию с христианством, он стоит на материалистической точке зрения, и христианство является, по-видимому, только защитным прикрытием. В начале XVIII века в Германии выступает ряд писателей, продолжающих дело Штоша. В первую очередь необходимо упомянуть Людвига Лау.

Грунвальд в своем исследовании «Спиноза в Германии» подчеркивает, что «материализм вступил в Германию на костылях спинозизма». К спинозистам он совершенно правильно относит и Людвига Лау, выпустившего в 1717 г. книгу под названием «Meditationes philosophicae de Deo, mundo et homine». Автор, подобно Штошу, еще не освободился от религиозной традиции, но работа автора все же проникнута материалистическим духом. Достаточно сказать, что он рассматривает человека как машину, составленную из двух видов материи: души и тела.

Самым крупным представителем вольнодумства в первой половине XVIII века в Германии является Иоганн Эдельман. Он был учеником Иоганна Диппеля — фигура чрезвычайно своеобразная и заслуживающая, вообще говоря, особого внимания. Достаточно сказать, что Диппель требовал отмены частной собственности уничтожения государственной власти, отстаивал гражданский брак против церковного и пр. Очевидно, что между Диппелем и Кнутценом существует известная общность идей. Диппель боролся против спинозизма, осыпая грубой бранью амстердамского мыслителя за его «механизм, фатализм, богохульство» и пр., т. е. как раз за материалистические элементы его учения. Сам Диппель принимает некий невидимый мир и бесконечную духовную сущность, от которой зависит мир видимый.

Эдельман учился у Диппеля, но в своих воззрениях является крупнейшим последователем Спинозы, самым выдающимся просветителем первой половины XVIII в. Эдельман выступает также защитником Диппеля и Кнутцена; для всего этого надо было обладать большой храбростью. Эдельман солидаризируется даже с основными идеями Кнутцена в области библейской критики,

В нашу задачу не входит изложение и критика взглядов Эдельмана, как и других последователей Спинозы. Мы хотим здесь лишь вкратце наметить основные моменты в

истории развития спинозизма. Поэтому нам приходится выделять только крупнейших представителей спинозизма. Связующим звеном между старшим поколением спинозистов и новым является, конечно, Лессинг, крупнейший идеолог «третьего сословия» в Германии XVIII века. Лессинг пришел к Спинозе через Диппеля, Эдельмана и английских свободомыслящих. Спинозистами были также Гердер и Гёте. Что касается Фихте, Шеллинга и Гегеля, то для всякого знакомого с их мировоззрением очевидно, до какой степени эти великие мыслители находились под влиянием Спинозы: Фихте утверждал, что кто выходит за пределы принципа «я есмь», необходимо должен прийти к спинозизму. С его точки зрения, существуют вообще только две последовательные системы: критицизм и спинозизм. Система Шеллинга имеет много общего с спинозизмом. Гегель ценил в учении Спинозы принцип единства теории и практики, знания и деятельности. В остальном надо сказать, что диалектика Гегеля, как это ни странно может сказаться с первого взгляда, примыкает во многих частях к диалектике Спинозы. Но эта тема заслуживала бы особой работы. Гегель считал, что основным центром новой философии является Спинозизм. Во всяком случае спинозизм является существенным моментом в учении Гегеля.

Из школы Гегеля вышел Людвиг Фейербах, который сознательно возвращается к Спинозе, объявляя снова, как это имело место в XVII и XVIII вв., учение амстердамского мыслителя в основном материалистическим.

Если мы теперь обратимся к Англии, то спинозизм и здесь в лице Толанда, уже в конце XVII и начале XVIII века, выступает материалистическая концепция. Толанд в своих «Письмах к Серене» критикует систему Спинозы, но эта критика направлена против некоторых, хотя и чрезвычайно важных, пунктов в учении Спинозы, но все же второстепенных. Вся критика Толанда упирается в понятие движения, которого не объяснил Спиноза. И в этом отношении Толанд совершенно прав; он дальше развил понятие движения, рассматриваемого им как существенное свойство материи, Правда, Спиноза не считал движения случайным свойством материи, но все же Толанд прав, что Спиноза не дал исчерпывающего определения движения, что в этом вопросе мы полной ясности у него не находим, хотя он хорошо чувствовал этот пробел в своем учении. Но для нас важно то, что Толанд спинозовскую субстанцию рассматривает как материю, состоящую из двух атрибутов. По мнению Толанда, движение является первичным и неотделимым свойством материи, как и протяжение. Что касается других пунктов его критики спинозизма, то они касаются моральной теории Спинозы и вопроса о делимости материи. Вряд ли можно согласиться с Толандом, что этика Спинозы лишает ответственности человека за его поступки. Но это вопрос частного характера.

Толанд, как и другой английский свободомыслящий того времени А. Коллинз, близко стоят к Спинозе в их критике религии и в отстаивании свободы мысли.

VI

Переходя к влиянию Спинозы на французскую мысль, необходимо прежде всего указать на статью Бэйля «Спиноза» в его философском словаре. Эта статья, появилась еще в 1697 г. и долгое время служила чуть ли не единственным источником, из которого черпали сведения о жизни и учении Спинозы, в особенности французы. Статью Бэйля надо признать, вообще говоря, неудачной, ибо он совершенно не понял учения Спинозы. Но у Бэйля было достаточно мужества выступить в защиту личности Спинозы. Гёте рассказывает о впечатлении, которое произвела на него статья Бэйля, когда он впервые с ней познакомился. Это было впечатление недовольства и подозрения, впечатление вообще двойственное. Сначала, говорит Гёте, Бэйль изображает Спинозу как атеиста, мнения которого необходимо

отвергнуть, но затем тот же Бэйль превозносит характер и личность Спинозы. Надо думать, что у Бэйля вообще, как у скептика, не было определенного отношения к Спинозе. Маутнер высказывает предположение, что для Бэйля система Спинозы была слишком «догматична». Вернее будет предположить, что он Спинозу плохо понял.

Он хулит Спинозу за атеизм, но вместе с тем сам же отстаивает мысль, что атеизм следует предпочитать суеверию. Однако статья Бэйля произвела на многих читателей обратное впечатление. «Статья Бэйля, — пишет. Вормс, — по-видимому, произвела благоприятное впечатление, ибо на пороге XVIII века религиозные писатели сочли себя обязанными возобновить против Спинозы те анафемы, которыми громили его их, предшественники. Массильон нападает на Спинозу в своей речи «О религиозных сомнениях»; Фенелон... осуждает его. Кардинал Полиньяк доходит до того, что опровергает Спинозу в латинских стихах, как это делал раньше по отношению к Лукрецию; кардинал Берни опровергает его в французских стихах. Аббат Плюке сражается в свою очередь со Спинозой и навлекает на себя насмешки Вольтера.

Все это заставляло проклинать Спинозу все благочестивые души, но распространяло его имя и учение и обеспечивало ему успех в атеистическом веке».³

Одним из первых последователей Спинозы во Франции в XVIII веке был граф Буллэнвилье, который составил изложение учения Спинозы. Эта книга была издана только в 1731 году, после смерти автора, под видом «разоблачить гнусное учение Спинозы», а на самом деле с целью познакомить французское общество с идеями Спинозы. Французские философы XVIII века находятся под сильнейшим влиянием спинозизма. Вормс в своей книге «Мораль Спинозы» убедительно доказал, что моральные учения Гельвеция, Гольбаха, Ламеттри и др. целиком примыкают к идеям Спинозы. Дон Дешана и Робинэ Вормс считает просто учениками Спинозы.

Вольтер очень высоко ставил Спинозу, как критика библии, но в качестве откровенного или лицемерного деиста взглядам философа не сочувствовал. Вольтер утверждает, между прочим, что Спиноза никакого бога не признавал и что он пользовался «этим священным словом, чтобы не слишком испугнуть людей» от своего учения. В общем же, полагает Вольтер, Спиноза мог бы, подобно Декарту, формулировать свое учение в двух словах: «дайте мне движение и вещество, и я создам вам мир». Иначе говоря, Вольтер понимал учение Спинозы, в материалистическом и атеистическом смысле, но в качестве деиста считал эти взгляды «нелепыми» и подлежащими «отрицанию». Как понимал спинозовского «бога» Гольбах, видно хотя бы из следующего места в «Системе природы», где он полемизирует с учением Декарта: «...доказательство Декарта в пользу бытия божия совершенно неубедительно. Он делает из этого бога мысль, разум: но как постигнуть разум, мысль без субъекта, носителя этих качеств? Декарт утверждает, что бога можно постигнуть лишь как некую силу прилагающуюся последовательно к частям вселенной... Он говорит еще, что бога можно назвать протяженным лишь так, как огонь, содержащийся в куске железа, не обладающий, собственно говоря иным протяжением, чем протяжением самого железа. Но на основании этих выражений можно ответить Декарту, что он собственно не признает другого бога, кроме природы, а это есть чистый спинозизм».⁴

Не будем приводить больше цитат в доказательство того, что французский материализм XVIII века был, выражаясь словами Г. В. Плеханова, не более как видоизмененным спинозизмом. То же самое относится и к Фейербаху.

Таким образом, история материализма послеспинозовского периода является, как мы показали в этом нашем кратком обзоре, лишь дальнейшим развитием и

³ Рене Вормс, Мораль Спинозы, 1905 г. стр. 230

⁴ П. Гольбах, Система природы, Москва, стр. 376.

видоизменением спинозизма. Это исторический факт, которого никто не может отрицать. Поэтому вполне естественно, что и марксизм, являющийся в части мировоззрения современным материализмом, так или иначе примыкает к спинозизму. Нелепо было бы отрицать историческое происхождение современного материализма от Фейербаха, французских материалистов XVIII века от Спинозы, к которому в одинаковой степени примыкали все материалисты нового времени.

Плеханов впервые подчеркнул родство марксизма с спинозизмом в своей полемике с Бернштейном. Это указание Плеханова, естественно, очень не понравилось ревизионистам. По этому Выводу Г. В. Плеханов писал позже в своем предисловии к «Людвигу Фейербаху» следующее: «Если «критики Маркса» испустили единодушный крик удивления, когда я в споре с Бернштейном выразил ту мысль что материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма, то это объясняется единственно их изумительным невежеством. Чтобы сделать себе эту мысль более доступною, Надо вспомнить, во-первых, что Маркс и Энгельс шли через философию Фейербаха, и, во-вторых, постараться выяснить себе, чем же, собственно, отличается философия этого последнего от философии Спинозы. Кто умеет понимать прочитанное, тот скоро увидит, что по своему основному взгляду на отношения бытия к мышлению Фейербах есть Спиноза, переставший величать природу богом и прошедший школу Гегеля».

Марксизм представляет собою синтез материалистически переработанной гегелевской диалектики и материализма Фейербаха. Но материализм Фейербаха, как и весь материализм нового времени, является видоизмененным спинозизмом. Стало быть спинозизм составляет необходимый «момент» и в марксистском мировоззрении. Но марксизм на в коем случае не может быть отождествляем с спинозизмом. Когда Плеханов говорит о том, что марксизм является «родом спинозизма», то он, как мы выше видели, имеет в виду исключительно проблему взаимоотношения между бытием и мышлением. Мы великолепно знаем все слабые стороны учения Спинозы, — достаточно подчеркнуть хотя бы отсутствие в нем идеи развития, — но это не может служить препятствием для чествования в лице великого мыслителя-атеиста, одного из основоположников материализма нового времени и борца за свободу научного исследования.